

II

А. А. Кибрик

ФИНИТНОСТЬ И ДИСКУРСИВНАЯ ФУНКЦИЯ КЛАУЗЫ (на примере карачаево-балкарского языка)¹

1. Дискурс и грамматика

Лингвистический анализ дискурса, или дискурсивный анализ, — уровневый раздел лингвистики, исследующий единицы, большие, чем синтаксические, и имеющие потенциально неограниченный объем (см, напр., Макаров 2003, Кибрик 2003). Как это бывает на всех границах между языковыми уровнями, синтаксис и дискурс имеют значительную зону пересечения. В частности, такая единица, как клауза, является «еще» синтаксической, но одновременно «уже» дискурсивной.

Дискурсивный анализ сосредотачивает внимание на нескольких основных вопросах: (а) какими бывают исследуемые явления, т. е. дискурсы? (б) какова структура дискурса? (в) как дискурсивные явления связаны с явлениями других языковых уровней? В соответст-

¹ Данное исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 05-04-04240. Эта работа была представлена в качестве доклада на 4-й типологической школе в Цахкадзоре в сентябре 2005 г. Я благодарен коллегам, которые приняли участие в дискуссии и высказали полезные замечания, особенно Н. И. Лауфер, А. Ю. Желтову, М. С. Полинской, М. Сибатани, М. В. Русаковой и Е. В. Урысон.

вии с этими вопросами, дискурсивный анализ как дисциплина состоит из трех основных разделов:

- таксономия, классификация дискурсов — какие разновидности дискурсов встречаются и какие классификационные параметры могут использоваться для их типологизации
- структура дискурса — из каких компонентов строится дискурс (с глобальной и локальной точек зрения)
- влияние дискурсивных факторов на более «мелкие» языковые явления — лексические, морфосинтаксические, просодические.

Проблематика первых двух разделов кратко рассматривается в работах Кибрик в печати, Кибрик и Подлеская 2006, соответственно. Настоящее исследование относится к третьему разделу дискурсивного анализа. Этот раздел посвящен «вертикальным» связям между языковыми уровнями.

Более конкретно, в данной работе обсуждается влияние дискурсивных факторов на морфосинтаксическую структуру. Очень многие морфосинтаксические явления не могут быть объяснены в пределах «своего» уровня. Для того, чтобы объяснить их, необходимо апеллировать к дискурсивным факторам. Это такое же отношение между уровнями, как и между морфологией и синтаксисом. Падеж — морфологическая категория, но конкретный выбор того или иного падежа в конкретном контексте может быть объяснен только синтаксическими факторами. В данной работе будет показано, что выбор между конкатенацией финитных клауз и деепричастной конструкцией определяется дискурсивной семантикой. О репертуаре грамматических явлений, формируемых дискурсивными факторами, см., например, Cumming and Ono 1997, Кибрик 2003: раздел 10, Плунон 2005.

В разделе 2 формулируется проблема, которой посвящена настоящая работа, в разделе 3 описывается используемый языковой материал, в разделе 4 излагается гипотеза относительно выбора между финитным и нефинитным оформлением предиката, в разделе 5 рассматривается экспериментальное подтверждение предлагаемой гипотезы. В разделе 6 формулируются основные выводы.

2. Постановка задачи

Многие языки различают финитные и нефинитные формы глагольного предиката. Рассмотрим два сконструированных примера, каждый из которых состоит из двух клауз.

- (1) а. Иван вошел в комнату
и укрыл ребенка.
б. Войдя в комнату,
Иван укрыл ребенка

Оба эти примера передают одно и то же пропозициональное содержание. Разница между ними, в морфологических терминах, — в оформлении предиката первой клаузы: финитном в (1а) и нефинитном (деепричастном) в (1б). В более синтаксических терминах, можно говорить о том, что в первом случае имеет место конкатенация финитных клауз, а во втором — деепричастная конструкция, в которой первая клауза зависима от второй. Замечу, что термин «конкатенация» употреблен сознательно, чтобы избежать термина «сочинение». Дело в том, что последний синтаксический термин применяется лишь к группе клауз внутри одного предложения, а понятие «предложение» весьма проблематично в применении к устной речи, на материале которой основано данное исследование. Четко отличить структуру (1а) от структуры (1в) очень трудно:

- (1) в. Иван вошел в комнату.
И укрыл ребенка.

Гораздо более принципиально отличие структуры (1б) от (1а, в) вместе взятых. Ниже я буду обозначать это отличие как **выбор формы предиката**, имея в виду финитную и нефинитную формы и подразумевая, что это одновременно и выбор синтаксической конструкции. Структуры типа (1а, в) ниже будут иногда неформально называться сочинительными, что не подразумевает обязательного вхождения клауз в состав одного предложения.

В современной лингвистике достигнут значительный прогресс в исследовании как конструкций с нефинитными, в частности деепричастными, формами, так и сочинительных конструкций. Однако эти

направления исследований развиваются почти параллельно — ср., например, большинство статей в сборниках Haspelmath and Koenig (eds.) 1995 и Haspelmath (ed.) 2004. Факт кофункциональности этих конструкций редко является предметом специального внимания. Между тем, эти конструкции имеют очень схожие классы употреблений. Во многих случаях есть основания поставить вопрос о **выборе** между финитным и нефинитным оформлением предиката. Поиску дискурсивных оснований такого выбора и посвящена данная работа.

В некоторых случаях выбор финитной либо нефинитной формы предиката диктуется лексическими факторами — например свойствами матричного предиката, если речь идет о конструкции с предикативным актантом: ср. оппозицию между инфинитивом и финитным оформлением в паре конструкций *Я собираюсь прийти* и *Я знаю, что приду*. Однако в очень многих случаях выбор формы предиката не может быть объяснен лексическими или синтаксическими факторами, а является дискурсивно мотивированным. Очевидно это так в следующем естественном примере:

- (2) а. **Напившись**,
литераторы немедленно *начали* икать,
расплатились
и *уселись* на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной.

Безусловно, М. А. Булгаков не случайно использовал **деепричастную** форму первого предиката, но *финитную* форму последующих. Однако нужно признать, что и следующий вариант не является невозможным:

- (2) б. Литераторы *напились*,
немедленно *начали* икать,
и, **расплатившись**,
уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной.

Выборы, подобные тем, которые реализованы в (2а, б), не могут быть объяснены без обращения к дискурсивным факторам, к дискурсивной семантике. Представленная в этом примере группа клауз относится к нарративному способу изложения и взята из дискурса, который является в основе своей нарративным (= повествователь-

ным). Нарративный дискурс по определению основан на изложении упорядоченных во времени событий, соединенных семантическим отношением «последовательность». Данное исследование целиком посвящено нарративному дискурсу, хотя проблему выбора между финитной и нефинитной формой предиката можно обсуждать и на материале других типов дискурса.

В нарративном дискурсе имеется два главных типа клауз (см. Labov 1972, Norpег 1979, Longacre 1983: 14ff.). Костяк нарративного дискурса образуют собственно нарративные клаузы, передающие цепь упорядоченных во времени событий. Этот компонент нарратива называют также основной линией (mainline) или передним планом (foreground). Ненарративные клаузы передают побочные линии (non-mainline) или фон (background) и описывают события и состояния, которые не входят в основную временную последовательность — статические ситуации, общие утверждения о персонажах рассказа, цитации и т. д. Как видно из примеров (2а, б), в русском языке нарративная клауза может быть оформлена не только как финитная, но и как деепричастная. Русский язык, однако, не относится к числу языков, в которых выбор между финитной и нефинитной формой предиката при кодировании нарративных событий стоит во весь рост. Деепричастия слишком редки и экзотичны, а в устной речи вообще почти не встречаются. Между тем, есть множество языков (см., например, Haspelmath 1995: 21ff., Bisang 2001), в которых действительно с полным правом можно говорить о выборе — настолько широко используются в таких языках нефинитные формы, в том числе при кодировании событий основной линии.

Хорошо известно, что большой склонностью к использованию нефинитных форм (деепричастий) характеризуются тюркские и другие языки «алтайской макросемьи». Более того, наиболее типичные тюркские языки, в противоположность русскому, гораздо чаще используют деепричастные и другие нефинитные формы предиката нарративных клауз, чем финитные формы — см. Юлдашев 1977, Черемисина 1986: 30ff., Бергельсон и Кибрик 1987, Невская 1993, Johanson 1995: 322—328. Между тем, некоторые тюркские языки, очевидно под влиянием контакта с неродственными, в частности индоевропейскими, языками, существенно сузили сферу употребления нефинитных форм.

нитного оформления и, напротив, расширили сферу финитного — см., например Johanson 1995: 334 о турецком и ряде языков, тесно контактировавших с иранскими; Anderson 2005 о языках Сибири, подвергшихся русскому влиянию. Данная работа основана на материале одного из тюркских языков Северного Кавказа — карачаево-балкарском (его общую характеристику см. в Чеченов и Ахматов 1997). В этом языке, по сравнению с архаичным тюркским типом, сфера использования финитных форм также существенно расширена. Частоты финитных и деепричастных форм при оформлении нарративных клауз сопоставимы. По этой причине карачаево-балкарский язык очень удобен как полигон для исследования проблемы выбора, варьирования между финитной и нефинитной опциями. Мы рассмотрим этот выбор с точки зрения порождения дискурса — как выбор, который каждый раз осуществляется говорящим при кодировании нарративной клаузы.

Рассмотрим следующий отрывок из устного рассказа на карачаево-балкарском языке ²:

- (3) abajla-ni zaš-i ... ol botašla-ni zaš-i-n ujat-γan-di da.
 Абаевы-Gen парень-3 тот Боташевы-Gen парень-3-Acc разбудить-Pf-3 и
 ... körgüst-xen-di da ,
показать-Pf-3 и
 ... «endi zaman-i kōg-e-mi-se teŋ-im»,
 сейчас время-Acc видеть-Pres-Dub-2Sg друг-1Sg

² Материал был собран в лингвистической экспедиции МГУ летом 2002 г. в с. Верхняя Балкария. (Многие результаты этой экспедиции были подытожены в монографии Лютикова и др. 2006). В Верхней Балкарии распространён так называемый «цокающий» диалект карачаево-балкарского языка, отличающийся от литературного диалекта. В качестве автора рассказов выступал известный в Верхней Балкарии рассказчик Х. О. Бичиев. Рассказы были затранскрибированы и переведены при помощи следующих информантов: Ф. Цраевой, Л. Хасавовой, З. Биттуевой и М. Хасавовой. Эти же информанты помогли в экспериментальном исследовании, описанном в разделе 5. Всем информантам я выражаю искреннюю благодарность за оказанную помощь. В транскрипции рассказов отражается сегментация устной речи на кванты, элементарные дискурсивные единицы, которые в большинстве случаев совпадают с клаузами (см. Кибрик и Подлесская 2006). Многоточия обозначают паузы в речи рассказчика.

de-gen-di.
сказать-Pf-3

“men saŋa etalliq bu edi»
я тебе сделать.возможное это есть

de-gen-di da.
сказать-Pf-3 и

‘Сын Абаевых разбудил этого боташевского сына, показал ему [горящие дома] и сказал: «Ты видишь, какво нынешнее время, друг мой». «Это все, что я для тебя мог сделать», — сказал [он]’.

В примере (3) имеется четыре нарративных клаузы, кодирующих последовательные события, и глагольные предикаты всех четырех оформлены при помощи одной и той же финитной формы — **перфекта** с суффиксом -GAn³ (обведены прямоугольником в примере). Финитность этой формы проявляется, в частности, в том, что в ней содержится маркер 3-го лица единственного числа. За перфектным глаголом в трех случаях из четырех следует частица da ‘и’, которая в этих случаях маркирует семантическое отношение «последовательность». Заметим, что в примере (3) после одной из клауз поставлена запятая, в других — точка. Эти пунктуационные знаки поставлены на просодических основаниях: запятая соответствует повышению тона в акценте, размещенном на предикате, а точка, наоборот, понижению. Однако этому противопоставлению не следует придавать слишком большого значения, поскольку тональные акценты в карачаево-балкарском языке не изучены и проведение различия между клаузами одного предложения и соседними предложениями — отдельная и сложная научная проблема. Важно лишь то, что в данном

³ Как и в других тюркских языках, аффиксы карачаево-балкарского языка обладают существенной алломорфией, связанной с сингармонизмом и другими морфонологическими процессами. В связи с этим аффиксы цитируются в исходной абстрактной форме, в которой заглавными буквами обозначены целые группы альтернирующих фонем. Так, аффикс перфекта, в общем виде обозначаемый как -GAn, может в зависимости от контекста реализоваться как -ɣan, -xep, -xal- и т.д., а иногда даже сливаться с корневой морфемой — ср. пример (10).

примере имеется конкатенация нарративных клауз, предикаты которых оформлены финитными формами.

Рассмотрим теперь другой пример.

- (4) ... ešek ani ešt-xen-lej,
осел его слышать-Pf-Compar
- ... qulaq-lar-i-n da turguz-up,
ухо-Pl-3-Асс и поднять-ConvCons
- ... ijgi ... ajaq al-ip,
хорошо ноги собрать-ConvCons
- ... terk qati saf-çal-laj tebre-gen-di.
быстро сильно бежать-Pf-Compar начать-Pf-3

‘Как только осел его [=волка] услышал, он даже поднял уши, разогнался и стал бежать очень быстро’.

В этом отрывке опять же описываются события, находящиеся в отношении временной последовательности. В последней строке рассказчик использовал уже знакомую финитную форму главного глагола ‘начинать’ — перфект с суффиксом -GAn в 3-м лице. С другой стороны, во второй и третьей клаузах главные глаголы оформлены с помощью нефинитной формы — деепричастия с суффиксом -(I)r (обведено овалами), не различающего лица, числа и других грамматических категорий. Это чрезвычайно распространенная в тюркских языках деепричастная форма, которую мы будем с некоторой долей условности называть **последовательным деепричастием**. (В первой клаузе использована более редкая и сложная нефинитная форма, о которой речи в данной работе не будет.) Очевидно, в карачаево-балкарском языке при оформлении нарративной клаузы говорящий может использовать как финитную, так и деепричастную форму предиката. На каких основаниях говорящий осуществляет этот выбор?

Пример (4) представляет собой деепричастную конструкцию, однако последняя клауза оформлена все же при помощи финитной формы предиката. Это не случайно. В цепочках нарративных клауз, описывающих группы последовательных событий, предикат последней (финальной) клаузы всегда (кроме особых случаев, выходящих

за пределы данной работы⁴) оформляется при помощи финитной формы. Очень часто финальная клауза просодически огласуется и как конец предложения с нисходящим тональным акцентом (именно так обстоит дело в примере (4)), однако это не обязательно: финальная клауза нарративной цепочки может не быть завершающей в предложении. Таким образом, выбор между финитным и нефинитным оформлением релевантен лишь для нефинальных клауз нарративных цепочек (ср. понятие *medial clauses* в типологии, см. Haspelmath 1995: 21).

Основания, по которым говорящий в каждом отдельном случае выбирает либо деепричастную, либо финитную форму для кодирования нефинального предиката, отнюдь не очевидны. Два эти варианта весьма похожи семантически и обычно переводятся одинаково — посредством финитных форм — на язык типа русского, в котором деепричастное оформление нефинальной клаузы гораздо более жестко ограничено. Иными словами, конструкции с деепричастиями по функции очень похожи на сочинительные конструкции; для сходных конструкций в другом тюркском языке (тувинском) в работе Бергельсон и Кибрик 1987 был предложен термин «квазисочинение». Тувинский и другие тюркские (и шире — «алтайские») языки широко используют стратегию, представленную в (4) — это так называемые цепочечные конструкции (*clause chaining*; см., например, Haspelmath 1995: 21, Raible 2001: 597). В отличие от многих других тюркских языков, в карачаево-балкарском широко используется не только нефинитное, но и финитное оформление цепочек.

3. Материал

В целях изучения дискурсивных функций желательно использовать данные устной спонтанной речи, т. к. именно в этом случае дискурсивные функции проявляются наиболее отчетливо. В качестве материала данного исследования были использованы два устных рассказа на карачаево-балкарском языке. Рассказ «Князь» — это

⁴ О случаях оформления предиката абсолютно независимой клаузы посредством нефинитных форм см. Калинина 2001, Nikolaeva 2007.

историческая легенда, повествующая о вражде между двумя княжескими фамилиями, Абаевыми и Боташевыми. Второй рассказ — «Волки, или испуг маленького Хусея» — носит личный характер и повествует о том, как 13-летний мальчик подвергся нападению стаи волков. Общий объем двух рассказов — 298 клауз.

Оба рассказа относятся к нарративному типу дискурса и представляют собой изложение состоявшихся в прошлом событий. Как это обычно бывает в нарративном дискурсе, рассказы содержат как нарративные, так и ненарративные клаузы. Таблица 1 дает количественную характеристику двух рассказов с точки зрения этого различия.

Таблица 1

Нарративные и ненарративные клаузы в исследуемом материале

«Волки»	Нарративных клауз	84
	Ненарративных клауз	57
	Всего клауз	141
«Князья»	Нарративных клауз	86
	Ненарративных клауз	71
	Всего клауз	157
В обоих рассказах	Нарративных клауз	170
	Ненарративных клауз	128
	Всего клауз	298

В данной работе нас будет интересовать лишь оформление нарративных клауз. Предикаты ненарративных клауз оформляются при помощи бытийных глаголов, специальных деепричастных форм или именных форм. Многие ненарративные клаузы представляют собой цитации, присоединяемые к основной линии посредством вводящих клауз типа «он сказал».

В примерах (3), (4) была показана оппозиция двух форм, характерных для нарративных клауз — финитного перфекта и нефинитного последовательного деепричастия. Репертуар финитных и нефинитных форм в карачаево-балкарском этим, конечно, не исчерпывается. Среди финитных форм с высокой частотой в рассказах встречается не только перфект, но и **презенс** (с суффиксом -A/-j) — это случаи *praesens historicum*. В личном рассказе «Волки» форма презенса даже преобладает — вероятно, это связано со стремлением рассказчика к визуа-

лизации описываемых событий. С точки зрения проблемы, обсуждаемой в данной работе, различие между перфектом, с одной стороны, и *praesens historicum*, с другой, является несущественным и обе эти формы коллективно противопоставлены нефинитным формам. Из других финитных форм следует отметить форму претерита на *-DI*, отличия которой от перфекта носят весьма тонкий характер (см. Урусбиев 1963: 137—152) и нерелевантны для настоящего исследования.

Среди нефинитных форм абсолютным преимуществом пользуется форма последовательного деепричастия на *-(I)r*. Хотя другие нефинитные формы (параллельное деепричастие на *-A/-j*, инфинитив, а также несколько форм, основанных на причастиях/масдарах) также заслуживают внимания, в нижеследующем изложении рассматриваются лишь употребления последовательного деепричастия. Таким образом, в целях упрощения проблема сводится к выбору между финитной формой перфекта/презенса и нефинитной формой последовательного деепричастия.

Необходимы некоторые комментарии относительно функций последовательного деепричастия в карачаево-балкарском языке. (Эти комментарии во многом распространяются и на другие тюркские языки.) Во-первых, последовательное деепричастие на *-(I)r* используется не только для кодирования предиката нарративной клаузы. Как и в других тюркских языках, это деепричастие используется при образовании аналитических глагольных форм с грамматикализованными и полуграмматикализованными глаголами, обозначающими способ действия, как глагол *ket-* ‘уходить’ в следующем примере:

- (5) *bila ... qarasaĵ-ıa qac-ıp ket-xen,*
 эти Карачай-Dat бежать-ConvCons уходить-Pf
 ‘Они [Боташевы] сбежали в Карачай’, букв. ‘бежа ушли’.

(Об использовании подобных аналитических конструкций в карачаево-балкарском см. Лютикова и др. 2006: 364 и сл.) Между такого рода аналитическими конструкциями, где два глагола явно обозначают одно событие и относятся к одной клаузе, и употреблениями последовательного деепричастия в нарративных клаузах нет жесткой границы. Посередине этого континуума находятся употребления, напоминающие сериальные конструкции. Так, выражение *tab-ıp al-di-m*

(находить-ConvCons брать-Pret-1Sg) может быть переведено и проинтерпретировано как 'я нашел его и взял [его]' или как 'я поднял [его]', и весьма трудно найти убедительные внутриязыковые аргументы, склоняющие к моноклаузальной либо биклаузальной трактовке таких употреблений. Имеются также деепричастные клаузы, которые вполне можно трактовать как обычные предикативные сирконстанты, аналогичные русским. Однако те употребления последовательного деепричастия, которые являются предметом рассмотрения в данной работе, однозначно интерпретируются как вершины отдельных нарративных клауз.

Другая проблема, связанная с последовательными деепричастиями, состоит в том, что они способны обозначать не только предшествование, но и одновременность, и сопутствование, и некоторые другие смыслы (см. Урусбиев 1963: 77—78; о сходных явлениях в других тюркских языках см. Невская 1993: 36 и сл., Johanson 1995: 319ff.). В данной статье в фокусе внимания находятся нарративные клаузы, поэтому подобные употребления последовательного деепричастия не рассматриваются.

По сравнению с более консервативными тюркскими языками, в караево-балкарском финитные формы расширили свои функции за счет деепричастий. Вместе два эти типа оформления предиката заполняют основную часть пространства, соответствующего нарративным последовательностям. Таким образом, две эти опции действительно представляют собой бинарный выбор, который говорящий должен сделать каждый раз, формулируя нефинальное нарративное событие.

В Таблице 2 показаны частоты различных финитных и нефинитных форм, используемых при кодировании 170 нарративных клауз, представленных в исследуемом материале. Полужирным выделены опции, выбор между которыми обсуждается далее.

4. Основная гипотеза

Насколько мне известно, в литературе о финитности не было предложено эксплицитного объяснения тому, на каких основаниях говорящие осуществляют выбор между финитными и деепричастными

**Частотность финитных и нефинитных форм
при оформлении нарративных клауз**

		«Волки»	«Князья»	ВСЕГО
Финитные формы	Перфект	16	50	66
	Презенс	35	6	41
	Претерит	6	4	10
	Условное	1	2	3
	ВСЕГО	58	62	120
Нефинитные формы	Последовательное деепричастие	11	16	27
	Параллельное деепричастие	6	2	8
	Инфинитив	1		1
	Масдар + локатив	4	1	5
	Масдар + аблатив	2	2	4
	Масдар + компаратив	2	2	4
	Прочие		1	1
	ВСЕГО	26	24	50
<i>ИТОГО</i>		<i>84</i>	<i>86</i>	<i>170</i>

формами в языках типа карачаево-балкарского, активно использующих финитно-нефинитную альтернативу. Существует, однако, значительная литература о том, как осуществляется выбор между оформлением клаузы как главной или зависимой. Хорошо известна гипотеза, что в основной линии изложения могут быть только независимые клаузы, и наоборот — что зависимые клаузы могут участвовать лишь в кодировании фона (см., например, Thompson and Longacre 1985). Можно ли спроецировать эту гипотезу на нашу проблему? Казалось бы, для этого есть основания — как часто отмечается, нефинитные клаузы прототипически зависимы, финитные прототипически независимы (Bisang 2001: 1400, Evans 2007). Тем не менее, как уже было показано, деепричастные клаузы кодируют основную линию в карачаево-балкарском нарративе и, тем самым, корреляция между финитностью vs. нефинитностью и главной линией vs. фоном полностью отсутствует. Между прочим, такие факты ставят под вопрос известную попытку В. Клейна (см., например, Klein 2003) определить финитность как носителя ассерции: нефинитно оформленные

и одновременно нарративные клаузы точно так же выражают ассерцию, как и финитные.

Возникает вопрос: являются ли деепричастные нарративные клаузы зависимыми, подчиненными по отношению к финитной финальной клаузе? Статус таких деепричастных клауз действительно двойственный. С одной стороны, они явно зависят от финальной клаузы, т. к. сами не содержат таких признаков, как маркирование лица, числа, времени/модальности (Lehmann 1988, Bisang 2001). Тем самым, они лишены части признаков глагольности. Они реализуют грамматическую метафору «Событие это объект» (Horie 2001) и поэтому грамматически репрезентируются как участники (сирконстанты) события, излагаемого в главной (финальной) клаузе (Lehmann 1988, Raible 2001), и в этом похожи на подчиненные клаузы.

С другой стороны, они равноправны финальной финитной клаузе семантически, и в этом смысле похожи на сочиненные клаузы. Кроме того, есть ряд синтаксических отличий между поведением деепричастных нарративных клауз и обычных зависимых клауз (Haspelmath 1995: 24—25).

Для характеристики этой двойственности деепричастных клауз в цепочечных конструкциях был предложен ряд понятий. В книге Foley and Van Valin (1984: Ch. 6) было предложено понятие **соподчинения** (cosubordination), а в статье Бергельсон и Кибрик 1987 — термин **квасисочинение**. В работе Haspelmath (1995: 25—26) предлагается точка зрения, что деепричастные клаузы в цепочечных конструкциях не являются подчиненными, но являются зависимыми.

Независимо от используемой терминологии, следует признать, что деепричастные нарративные клаузы не могут отождествляться с подчиненными, но при этом грамматически теснее связаны с финитной финальной клаузой, чем две сочиненные финитные клаузы между собой. Более тесная грамматическая связь должна передавать и более тесную семантическую связь (Foley and van Valin 1984: 271, Haiman and Thompson 1984, Givón 2001: 328).

На основании этих рассуждений можно предположить, что деепричастные конструкции передают **более тесные семантические отношения** между дискурсивными единицами (клаузами), чем сочинительные. В чем может состоять такая разница по тесноте семан-

тических отношений? Поскольку мы имеем дело с явлениями нарративного дискурса, естественно искать эту разницу в области нарративной семантики.

В этой области существует разница между простым временным следованием и следованием с каузальным оттенком. В недавних работах по теории риторической структуры для учета этого различия используются два разных отношения — **последовательность** (sequence) и **следование** (consequence) (Kibrik et al. 2002, Carlson et al. 2003). Между событиями в нарративе может быть чисто временное отношение, а может быть так, что предшествующее отношение каузирует или по крайней мере создает предпосылки для последующего.

Существуют психолингвистические работы, показывающие, что каузальные семантические связи теснее, чем связи списочного типа, к которым относится простая временная последовательность (Sanders, Spooren, and Noordman 1992). Каузальные связи реализуют значительно более структурированные отношения между событиями. В ряде экспериментов было показано, что люди быстрее и легче понимают связи между событиями, которые содержат каузальный компонент, по сравнению со связями чисто списочного типа (Sanders and Noordman 2000).

Все сказанное подводит нас к следующей гипотезе:

В нефинальных нарративных клаузах нефинитные формы предиката используются в тех случаях, когда говорящий хочет передать более тесную семантическую связь между событиями, а именно подчеркнуть, что связь носит не только временной, но и каузальный характер. В противном случае — при наличии более слабой, лишь временной, связи — используются финитные формы предиката.

Эту формулировку можно также перефразировать следующим образом. Деепричастное оформление цепочки клауз подчеркивает, что данная группа событий образует единство, одно макро-событие. То есть деепричастное оформление указывает на иерархическую организацию событий, на то, что два или несколько событий низкого уровня объединяются в событие более высокого уровня. Отражаемая в языковой структуре тесная семантическая связь событий является

частным случаем более общего явления — **когнитивной сопряженности**, описанной в работе А. Е. Кибрик 2006.

Самый распространенный в рассматриваемом материале класс каузальных групп событий можно обозначить как **динамические сценарии** (Schank and Abelson 1977). Динамический сценарий — это каузальная цепочка событий, реализующая целенаправленный план или инстинктивную программу человека или животного. Когда два или более событий реализуют один динамический сценарий, все они, кроме последнего, оформляются при помощи последовательного деепричастия.

Типичный пример динамического сценария — это сценарий «Отступление волков». Этот сценарий встретился в рассказе после описания ночной погони волков за мальчиком, ехавшим верхом на осле. Погоня продолжалась до того момента, когда мальчик с ослом достигли строящегося дома, от которого стали видны огни села. Сразу вслед за этим волки собрались в группу в этом месте, поднялись наверх строящегося дома и остались там. Подчеркнутые три события не просто следуют одно за другим, а представляют собой единую программу, подчинены единой задаче: в порядке инстинктивной реакции на вид огней волки остановились, сошли с дороги и прекратили погоню. Соответствующий фрагмент дискурса выглядит так:

- (6) ... ol bögü-le da alajda zijil-ip,
 тот волк-Pl и туда собраться-ConvCons
ol üj-nü baş-i-na min-ip,
 тот дом-Gen верх-3-Dat взобраться-ConvCons
... alajda qal-di-la.
 там остаться-Pret-Pl

‘Эти волки собрались туда, поднялись наверх этого дома и остались там’.

Отмечу, что в этом примере подлежащая ИГ, референциально общая для всех трех клауз, линейно находится не в составе последней и финитной клаузы, а в составе первой, деепричастной клаузы. Возможны разные синтаксические интерпретации этого явления. Возможно, эта ИГ синтаксически принадлежит главной клаузе, а зависимые клаузы разрывают главную. Возможно, что это топикали-

Приведу еще один пример динамического сценария, который можно обозначить как «Сбор дров». Контекст этого эпизода таков. Мальчик возвращался в село, везя на осле тюк черемши, но ему было стыдно приезжать налегке, и он решил по дороге набрать дров и остановился возле знакомого ему шалаша в лесу. Мальчик действует явно по следующему знакомому сценарию (вся история была рассказана от первого лица): беру топор, захожу в лес, набираю дрова, навьючиваю их на осла, и затем выхожу обратно на дорогу. Второе, третье и четвертое из этих последовательных событий оформляется с помощью деепричастной клаузы:

- (8) ... ol qoř-tan bir balta da al-a-ma,
 тот шалаш-Abl один топор и брать-Pres-1Sg
 terk oquna ari ... aǵas-ǵa kir-ip,
 быстро очень туда лес-Dat входить-ConvCons
 anda ... eřek-ke ... qurǵaq otun-cuq-la da et-ip,
 там осел-Dat сухой дрова-Dim-Pl и делать-ConvCons
 ani da zükle-p,
 его (их) и навьючивать-ConvCons
 ... men zol-ǵa sıq-qan-da,
 я дорога-Dat выходить-Pf-Loc
 ‘Я беру топор из этой хижины, очень быстро захожу в лес, на осла — набравши сухих дров — их навьючиваю, и когда я вышел на дорогу...’

Первая клауза, однако, маркирована как финитная — презентом, — хотя вполне можно считать, что взятие топора — часть того же сценария, что и дальнейшие действия. Этот пример показывает, что решение говорящего относительно выбора финитной или нефинитной формы не всегда детерминировано.

Аналогичный случай неполной детерминированности выборов говорящего содержится в отрывке «Отпугивание волков», в котором рассказывается, как мальчик на скаку отбивался от волков. Сценарий выглядит так: я беру спичку, зажигаю ее, бросаю, и волк отступает. В рассказе этот отрывок выглядит так:

- (9) ... ol zaman-da ... sirnik-ni sıǵaǵ-a-ma da,
 тот время-Loc спичка-Acc вытаскивать-Pres-1Sg и

... zandıǵ-ıp,
зажигать-ConvCons
at-sa-m,
бросать-Cond-1Sg
art-ǵa ket-e-di.
зад-Dat уходить-Pres-3
‘В это время я вынимаю спичку, зажигаю ее, и как только я бросаю ее, он [волк] отступает’.

Первые три клаузы явно описывают сценарий — реализацию целенаправленного плана. Третья клауза является финальной в этой цепочке, поэтому в ней естественно ожидать не деепричастие, а финитную форму. Там действительно употреблена финитная форма, но весьма специализированная — форма условного наклонения. В первых двух клаузах можно было бы ожидать деепричастного оформления предикатов, но это наблюдается лишь во второй, а в первой, как и в примере (8), используется презенс. Сходство этого примера с предыдущим наводит на предположение, что здесь вовлечен какой-то дополнительный фактор, способствующий употреблению финитных форм. Возможно, финитная форма — это экономичный способ указать референцию (в данном случае — 1-е лицо ед. числа) подлежащего, единого для всей цепочки клауз. Однако есть и некоторые другие случаи, в которых такое объяснение не годится, однако, вопреки ожиданиям, также используются финитные формы. Поэтому, видимо, нужно признать неполную детерминированность выбора между финитной и деепричастной формой предиката. Выбор деепричастной формы именно **подчеркивает** каузальную связь данного события с последующими, но такое подчеркивание не является обязательным — подобно тому, как коннекторы (союзы) не всегда используются для маркирования семантических отношений между клаузами в дискурсе (Литвиненко 2003). Было бы наивно полагать, что такой семантически тонкий вопрос, как наличие или отсутствие каузальной связи, всегда решался бы однозначно и неукоснительно. Скорее здесь можно рассчитывать увидеть именно вероятностное предпочтение. В каждом отдельном случае говорящий располагает относительной свободой в вопросе о том, **представить** данное событие как жестко связанное с последующими или оставить эту информацию имплицитной.

Помимо динамических сценариев, реализующих целенаправленные программы, встречаются еще каузальные цепочки, относящиеся к области более объективных, неволевых причинно-следственных связей, как в следующем примере — отрывке «Сон на горе», в котором описывается, как два молодых князя отдыхали во время своей прогулки в горы. В этом примере имеется последовательность событий поспали и проснулись. Поскольку физиологически за сном всегда наступает пробуждение, этот случай скорее следует рассматривать не как сценарий, а как **естественную последовательность** событий.

- (10) ... b(i)raz zuqla-p,
немного спать-ConvCons
... ujaŋan-lar-i-n-da,
проснуться: Pf-Pl-3-Obl-Loc
'[Они] немного поспали, и когда проснулись...'

В естественных последовательностях также типично используется деепричастное оформление предикатов нефинальных клауз. Однако такое оформление менее устойчиво, нежели в динамических сценариях, и естественные последовательности представляют собой промежуточный случай между динамическими сценариями и собственно временными последовательностями.

Переходя к тем случаям, где явного **каузального нюанса нет**, рассмотрим отрывок, в котором рассказывается о начале поездки мальчика за черемшой. Здесь имеется простая временная последовательность событий: отправляюсь (в дорогу), еду в конкретное село, остаюсь на ночевку:

- (11) men ... bar-a-ma,
я ехать-Pres-1Sg
birinci kün bar-a-ma da qaşxataw-ğa,
первый день ехать-Pres-1Sg и Кашхатау-Dat
qal-a-ma kece zuwuq-lar-ibiz-da.
остаться-Pres-1Sg ночь родственник-Pl-1Pl-Loc
'Я отправляюсь, в первый день еду в Кашхатау, останавливаюсь на ночь у наших родственников'.

Действия, входящие в эту последовательность, не реализуют единого плана, единой группы. Говорить о каузальной, семантиче-

диката в прочих нефинальных клаузах — первой, третьей, четвертой и пятой.

В целом следует напомнить, что финитное оформление предиката нарративной клаузы является преобладающим и немаркированным выбором — см. количественные данные в таблице 2. Финитное оформление соответствует отрицательному, точнее нулевому, значению признака «наличие каузальной связи».

Таким образом, мы наблюдаем устойчивую закономерность: выбор финитной или деепричастной формы предиката нарративной клаузы обусловлен характером связи данного события с последующим — чисто временным или каузально-временным. Весь массив данных в имеющемся материале подтверждает это обобщение.

5. Экспериментальная проверка

Обобщение, полученное до сих пор, достигнуто на основе наблюдения над естественными дискурсивными данными. Наблюдение над естественными данными — один из основных общенаучных методов исследования реальности. В современной лингвистике установка на **обсервационный** метод реализуется в виде корпусно-ориентированных исследований. Конечно, в данной работе рассматривается не корпус с тысячами или миллионами единиц данных, а небольшая дискурсивная выборка. При работе с малоизученными языками приходится работать с такими объемами данных, которые реально «освоить» в рамках единичного полевого исследования. В то же время эта выборка достаточна для того, чтобы заметить основную тенденцию и выдвинуть объяснительную гипотезу о связи между функцией и формой. Главная методологическая проблема состоит не в малом объеме данных, а в том, что чисто обсервационные исследования, как правило, позволяют заметить тенденцию, но не могут подтвердить обобщение с полной определенностью. В естественных данных всегда слишком много «шума», который не позволяет с полной уверенностью сравнивать отдельные единицы данных. Поэтому обсервационное исследование желательно дополнить **экспериментальным**, в котором совокупность данных будет контроли-

руемой и гомогенной и которое, тем самым, сможет подтвердить или опровергнуть предполагаемую связь между функцией и формой. Представляется, что лишь комбинация наблюдательных и экспериментальных методов может быть продуктивна и по-настоящему доказательна в области связи дискурсивных факторов и морфосинтаксических явлений.

В связи с этими соображениями был проведен эксперимент, в котором были подробно исследованы пять отрывков из двух рассказов — один из них с чисто временной связью, один отрывок типа «естественная последовательность» и три динамических сценария с отчетливым каузальным компонентом. Все эти отрывки уже известны читателю из приведенных выше примеров:

- 1) «Компенсация за ущерб», см. пример (12), — чисто временная связь
- 2) «Сон на горе», см. пример (10), — естественная последовательность
- 3) «Коварное покушение», см. пример (7), — динамический сценарий
- 4) «Отпугивание волков», см. пример (9), — динамический сценарий
- 5) «Отступление волков», см. пример (6), — динамический сценарий

Для каждого из пяти отрывков был получен пересказ от четырех информантов, носителей карачаево-балкарского языка. Методология эксперимента была следующей.

- Информант прослушивал целиком оба рассказа
- Информант прослушивал один из экспериментальных отрывков
- Информант прослушивал посторонний отрывок, чтобы исключить воспроизведение внешней формы целевого отрывка
- Экспериментатор на русском языке напоминал информанту последовательность событий в целевом отрывке

Примечание. В некоторых случаях такая последовательность несколько видоизменялась по сравнению с тем, что было представлено в исходном рассказе. Как правило, такое изменение было связано с упрощением исходной последовательности: удалением несущественных компонентов, переводом отрывков из рассказа «Волки» в третье лицо. В одном случае (отрывок «Сон на горе») было добавлено дополнительное событие «они там легли», чтобы довести количество событий до трех, как в других отрывках.

- Экспериментатор просил информанта в свободной форме пересказать события отрывка.

Эта процедура была повторена с каждым отрывком с каждым информантом.

Предсказание состоит в том, что в отрывках 1 и 2 нефинальные клаузы будут оформлены при помощи финитных предикатов, а в отрывках 3, 4 и 5 — при помощи деепричастных предикатов. Здесь требует пояснения лишь предсказание относительно отрывка 2, реализующего тип «естественная последовательность». Как было отмечено на основе наблюдационных данных, естественные последовательности с точки зрения оформления предикатов занимают промежуточное положение между динамическими сценариями и чисто временными последовательностями, и в них деепричастное оформление хотя и встречается, но нестабильно. В экспериментальном контексте я предполагал, что естественная последовательность скорее будет приравнена к временной, в силу отсутствия дискурсивного окружения и общей немаркированности финитного варианта оформления.

В нижеследующих таблицах содержатся результаты эксперимента — по каждому отрывку и, внутри таблиц, по каждому испытуемому. В каждой таблице есть несколько колонок. В первой колонке указываются выборы, сделанные рассказчиком в исходном рассказе (в клетках напротив каждой клаузы дана глосса, характеризующая использованный предикат как последовательное деепричастие, перфект, претерит и т. д.). В следующей колонке указан прогноз, основанный на наиболее ожидаемой, с моей точки зрения, интерпретации связи данной клаузы с последующей.

В большинстве случаев этот прогноз совпадает с исходным рассказом, но в силу отмеченной выше частичной свободы говорящего в интерпретации дискурсивных связей иногда встречаются расхождения. Рассмотрим отрывок «Компенсация за ущерб», представляющий в рамках эксперимента случай чисто временной связи. Как обсуждалось выше в связи с примером (12), факт деепричастного оформления предиката одной клаузы из шести в исходном рассказе подчеркивает, что в этой последовательности был элемент планирования — по какой-то причине Абаевым было важно привести юношу на верх горы, прежде чем они смогли осуществить дальнейшие действия. Однако при пересказе фрагмента по-русски мне было очевидно, что этот смысл является скрытым и необязательным для осмыс-

Таблица 3

**Оформление предикатов в отрывке «Компенсация за ущерб»
(простая временная последовательность)**

	Исходный рассказ	Прогноз	ФЦ	ЛХ	ЗБ	МХ
они привели выжившего парня наверх,	ConvCops	Pf		Pf	Pf	
дали ему еще людей,	Pf	Pf	ConvCops	Pf	Pf	Pf
нашли ему жену,	Pf	Pf	ConvCops	Pf	Pf	Pf
там образовалось село	Pf	Pf	Pf		Pf	Pf

Таблица 4

**Оформление предикатов в отрывке «Сон на горе»
(естественная последовательность)**

	Исходный рассказ	Прогноз	ФЦ	ЛХ	ЗБ	МХ
они там легли,		Pf	Pret	Pf	Pf	Pf
немного послали,	ConvCops	Pf		Pf	ConvCops	Pf
и когда проснулись,	Pf-Loc	Pf-Loc	Pf-Loc	Pf-Loc	Pf-Loc	Pf-Abl

Таблица 5

**Оформление предикатов в отрывке «Коварное покушение»
(динамический сценарий)**

	Исходный рассказ	Прогноз	ФЦ	ЛХ	ЗБ	МХ
пойти ночью,	ConvCons	ConvCons	ConvCons			ConvCons
запереть боташевские дома снаружи	ConvCons	ConvCons	ConvCons	ConvCons	ConvCons	ConvCons
и сжечь находящихся внутри людей	Inf	Inf	Inf	Inf	Inf	Inf
— так они решили	Pf	Pf	Pf	Pf	Pf	Pf

Таблица 6

**Оформление предикатов в отрывке «Отпугивание волков»
(динамический сценарий)**

	Исходный рассказ	Прогноз	ФЦ	ЛХ	ЗБ	МХ
он брал спичку,	Pres	ConvCons		ConvCons	ConvCons	
зажигал ее	ConvCons	ConvCons	ConvCons	ConvCons	ConvCons	ConvCons
и бросал	Cond	Pf	Pres	Pres	Pres	Pf

Таблица 7

**Оформление предикатов в отрывке «Отступление волков»
(динамический сценарий)**

Исходный рассказ	Прогноз	ФЦ	ЛХ	ЗБ	МХ
волки собрались туда,	ConvCons	ConvCons	ConvCons	Pres	ConvCons
взобрались на этот дом	ConvCons	ConvCons	ConvCons		
и остались там	Pret	Pf	Pf		Pf

Таблица 8

**Результаты экспериментального исследования:
количественные показатели**

	Прогноз подтверждается	Прогноз не подтверждается	Нерелевантные данные	ВСЕГО
Прогнозируется финитная форма	15	5	5	25
Прогнозируется деепричастная форма	20	1	9	30
ВСЕГО	35	6	14	55

ления всей группы событий, поэтому в качестве прогноза была выбрана финитная форма. И наоборот, в отрывке «Отпугивание волков» прогнозировалось употребление деепричастия там, где в исходном рассказе имелось немотивированное использование финитной формы — см. обсуждение примера (9).

Правые четыре колонки каждой таблицы — выборы, засвидетельствованные в пересказах информантов; сокращения ФЦ, ЛХ и т. д. обозначают инициалы информантов. Нефинальные клаузы, которые только и подвергаются проверке на тип оформления предиката, отмечены в таблицах серой заливкой (кроме нерелевантных данных, см. ниже).

Теперь суммируем результаты, содержащиеся в таблицах 3—7. Эти результаты состоят из 55 единиц данных, поскольку имеется всего 11 событий, рассматриваемых с точки зрения оформления предиката, и для каждого события учитываются пять случаев вербализации — один в исходном рассказе и четыре в экспериментальных пересказах. Все эти 55 единиц данных распадаются на три группы. Во-первых, случаи, в которых прогноз подтверждается. Во-вторых, случаи, в которых прогноз нарушается. Наконец, есть группа нерелевантных данных — это случаи, когда в том или ином варианте пересказа данное событие вообще не было вербализовано, или же оказалось финальным в своей последовательности; в соответствующих клетках заливка в таблицах 3—7 отсутствует. Количественные показатели для каждого из трех типов случаев содержатся в таблице 8.

В целом, прогноз подтверждается примерно в 2/3 всех случаев (точнее, 64%). Есть небольшая группа случаев, в которых прогноз не оправдывается (11%). Эти случаи заслуживают более подробного комментария. Рассмотрим вначале те из них (5 единиц), в которых вместо ожидаемой финитной формы появляется деепричастие. Два из этих случаев появляются в Таблице 4 (отрывок «Сон на горе») — случай естественной последовательности. Как и ожидалось, в большинстве случаев информанты приравнивали этот случай к чисто временной последовательности. Однако в одном пересказе, как и в исходном рассказе, была употреблена деепричастная форма. Очевидно, данный класс случаев действительно является промежуточным и потому не опровергает предлагаемое обобщение.

Еще три случая такого же рода содержатся в Таблице 3 (отрывок «Компенсация за ущерб»). Один из них, в исходном рассказе, уже обсуждался выше. В одном из пересказов также встретились две следующие друг за другом деепричастные клаузы. Возможно, информантка поняла два события — выделение людей (слуг) для молодого князя и его женитьбу — как элементы единого сценария, ведущего к формированию села. Такое понимание хотя и не соответствует исходному рассказу, но является допустимым. Этот случай показывает, что область семантики, с которой мы здесь имеем дело, весьма деликатна и связана с возможностями различной интерпретации одного и того же дискурса разными людьми. Необходимо просто признать этот факт как некую объективную реальность, не зависящую от исследовательской методологии, а обусловленную самой природой текста, дискурса и коммуникации. Получить стопроцентный результат в этой сфере, вероятно, просто нереально.

В материале встретился один случай противоположного рода, когда вместо ожидаемой деепричастной формы была отмечена финитная. Этот случай (таблица 6, отрывок «Отпугивание волков») встретился не в экспериментальных пересказах, а в исходном рассказе и был уже обсужден в комментариях к примеру (9). Единичный пример не позволяет выдвинуть убедительное объяснение, нужно просто констатировать такие случаи как редкие исключения, отклоняющиеся от основной, количественно преобладающей модели.

Таким образом, можно заключить, что при описании одних и тех же событий носители языка с очень высокой степенью систематичности осуществляют выбор между финитным и деепричастным оформлением предиката. Есть определенная зона флуктуаций (среди результатов проведенного эксперимента — 11% случаев), однако учитывая деликатность семантической материи, с которой мы имеем дело, такой уровень варьирования представляется более чем приемлемым. В соответствии с объяснительной гипотезой, предлагаемой в данном исследовании, выбор между двумя типами оформления предиката определяется тонким семантическим различием между простой временной последовательностью и каузально-временной последовательностью.

Следует, однако, признать, что общая гомогенность результатов не доказывает предложенную объяснительную гипотезу как таковую. Она доказывает лишь то, что выбор является систематическим: в одних и тех же контекстах носители, как правило, используют одни и те же средства. Можно себе представить, что выбор является неслучайным, но предопределен не той характеристикой контекстов, которая была предложена в данном объяснении, а некоторой другой⁵.

Более того, я могу предложить и альтернативную объяснительную гипотезу, которая представляется в принципе возможной. Вернемся снова к таблице 8 и обратим внимание на случаи нерелевантных данных. Число случаев, когда событие оказалось невербализованным, особенно велико тогда, когда прогнозировалась деепричастная форма. А именно, в восьми из 30 всех случаев вербализации событий, где ожидалось деепричастные формы, соответствующее событие было вообще пропущено при пересказе. В отличие от этого, при ожидаемой финитной форме пропуск события произошел лишь в трех случаях из 20⁶. Является ли такое количественное различие случайным? Если нет, то можно сказать, что те события, которые типично оформлены деепричастиями, являются менее важными, вто-

⁵ Формулировка предложенной объяснительной гипотезы включает субъективный элемент — интроспективную оценку того, какие события образуют каузальное единство, а какие нет. Как можно доказать верность самой этой гипотезы? Один возможный способ связан с временной разверткой порождения дискурса. Если верно, что деепричастные конструкции связаны более тесной семантической связью, чем группы финитных клауз, то было бы естественно ожидать, что они планируются единым блоком и потому порождаются более слитно, с более короткими паузами и с меньшим числом речевых сбоев. Я провел пилотное исследование на основе аудиозаписей рассказов, но данное предположение не подтвердилось. Оказалось, что количество и длительность пауз после деепричастных клауз, а также речевых сбоев внутри деепричастных конструкций не уступает соответствующему количеству в группах финитных клауз. Данный факт требует дальнейшего осмысления и исследования.

⁶ Остальные случаи нерелевантных данных, отмеченные в Таблице 8, связаны с другой причиной, а именно с тем, что соответствующее событие оказалось финальным в последовательности, и для него вопрос о выборе оформления не стоял.

ростепенными, и легче устраняются при пересказе без большого ущерба для общего смысла всего отрывка.

При ближайшем рассмотрении эта гипотеза, однако, является не альтернативой, а дополнением к предложенной гипотезе и даже некоторым ее обоснованием.

Как было отмечено в начале статьи, фундаментальное различие в нарративном дискурсе пролегает между основной линией, т. е. нарративными клаузами, и ненарративными, фоном. В рамках данного исследования мы имели дело лишь с нарративными клаузами, реализующими костяк рассказа. Не исключено, однако, что внутри основной линии можно выделить более и менее важные события. Те события, которые образуют простые временные последовательности, не иерархизированы между собой и имеют сопоставимую важность. С другой стороны, легко предположить, что группы событий, объединенных в динамические сценарии, неравноценны по важности и центральности в дискурсе. Всякий сценарий является целенаправленным, ориентирован на достижение некоторого конечного результата (уничтожить врагов, отпугнуть волков и т. п.), в то время как нефинальные фазы сценария подчинены этой конечной задаче. Неудивительно, что эти неконечные фазы легче опускаются; из восьми случаев потери каузально связанного события в нашем экспериментальном материале в семи это произошло с нефинальными событиями.

Тот факт, что в динамических сценариях нефинальные события являются менее важными, придает дополнительную мотивировку использованию нефинитных форм: деепричастное оформление является иконическим маркером второстепенности события, его зависимости от финального события последовательности. Таким образом, в окончательном виде предлагаемая объяснительная гипотеза выглядит следующим образом:

В нефинальных нарративных клаузах нефинитные формы предиката используются в тех случаях, когда говорящий хочет указать, что данное событие семантически более тесно связано с последующими событиями, а именно, что связь носит не только временной, но и каузальный характер и данное событие семантически второстепенно по отношению финальному событию последова-

тельности. В противном случае — при наличии более слабой, лишь временной, связи — используются финитные формы предиката.

6. Заключение

В данной работе был исследован процесс выбора между финитным и нефинитным оформлением предикатов нарративных клауз при порождении дискурса. Исследование проведено на материале карачаево-балкарского языка, который, в отличие от многих других тюркских языков, демонстрирует частотную альтернацию между финитным и нефинитным оформлением. Как показал анализ материала, выбор осуществляется мотивированным образом и объясняется дискурсивной семантикой. Немаркированный выбор — это использование финитного оформления. В тех случаях, когда говорящий хочет подчеркнуть не только временную, но и каузальную связь клаузы с последующим событием или событиями, он использует нефинитное (деепричастное) оформление предиката. Это обобщение было получено в результате сплошного анализа собранного дискурсивного материала.

Систематичность выбора между двумя типами оформления далее была проверена в ходе эксперимента. Выяснилось, что в одних и тех же дискурсивных контекстах носители языка используют одинаковое оформление предиката с очень высокой степенью однородности.

С моей точки зрения, сочетание обсервационных и экспериментальных методов представляет собой необходимое условие действительной проверки гипотез о связях функции и формы. Настоящее исследование в обеих его частях — обсервационной и экспериментальной — основано на относительно небольшом объеме данных. Однако такое исследование является прагматичным компромиссом между методологиями, используемыми ныне в разных частях лингвистики. В то время как хорошо описанные языки исследуются при помощи больших объемов данных и ригористических методов — как обсервационных (корпусная лингвистика), так и экспериментальных (психолингвистика), — при изучении малоописанных языков, в особенности в полевых условиях, методологии часто не при-

дается вообще никакого значения, и обобщения делаются на основе отдельных, изолированных и неконтролируемых примеров. Данное исследование, проведенное в ходе полевой работы, обеспечивает относительную уверенность в надежности полученных результатов. Мне представляется, что подобные попытки необходимы, если мы хотим приблизить методологическую практику лингвистов к стандартам смежных наук.

Предложенная объяснительная гипотеза, возможно, значима не только в пределах карачаево-балкарского языка, а может позволить лучше понять природу грамматического феномена финитности как отражения дискурсивных функций. Это касается тех языков, которые, подобно карачаево-балкарскому, демонстрируют альтернацию финитных и нефинитных форм, а может быть — с соответствующими модификациями — даже и тех, которые используют лишь одну из этих стратегий для оформления нарративных клауз.

Вообще, грамматику можно рассматривать как систему, управляющую языковыми выборами. Преобразование мыслительного задания, которое имеется у говорящего, в языковую форму предполагает множество выборов разного рода (см. Kibrik 2006). Среди этих выборов есть большая группа выборов, которые можно охарактеризовать как когнитивно мотивированные и вероятностные. Например, таковым является выбор референциального выражения для упоминания референта. Выбор полной или редуцированной ИГ, например, анафорического местоимения, осуществляется на основе степени активации референта в когнитивной системе говорящего и является вероятностным — есть зона, в которой может быть приемлемым более чем один вариант. К этому же классу когнитивно мотивированных и вероятностных выборов относится и выбор финитного vs. нефинитного оформления предиката в нарративном дискурсе.

Обозначения в глоссах

Ч и с л а

Sg — единственное

Pl — множественное

Н е ф и н и т н ы е ф о р м ы

ConvCons — последовательное дее-
причастие

Inf — инфинитив

Падежи и сходные функции	Времена
Abl — аблатив	Pf — перфект
Acc — аккузатив	Pres — презенс
Dat — датив	Pret — претерит
Gen — генитив	
Loc — локатив	
Compar — компаратив	
Наклонения и сходные функции	Прочее
Cond — условное	Quot — квотатив
Hort — гортатив	Dim — диминутив
Dub — дубитатив	Obl — морфонологическая «прокладка» в косв. падежах

Литература

- Бергельсон М. Б., Кибрик А. А. 1987. Система переключения референции в тувинском языке // *Советская тюркология*, № 2: 16—32; № 4: 30—45.
- Калинина Е. Ю. 2001. *Нефинитные сказуемые в независимом предложении*. М.: ИМЛИ РАН.
- Кибрик А. А. 2003. *Анализ дискурса в когнитивной перспектив*. Дисс. ... доктора филологических наук. М.: Институт языкознания РАН.
- Кибрик А. А. В печати. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Л. В. Златоустова (ред.). *Функциональные стили звучащей речи*. М.: Филологический факультет МГУ.
- Кибрик А. А., Подлеская В. И. 2006. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // В. Д. Соловьев (ред.). *Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Вып. 1*. М.: Институт психологии РАН. 138—158.
- Кибрик А. Е. 2006. Когнитивная сопряженность и организация языковой структуры // *2-я международная конференция по когнитивной науке*. СПб: СПбГУ.
- Литвиненко А. О. 2003. Причинно-следственные конструкции в устном и письменном нарративе: от дискурса к синтаксису // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2003*. М.: Наука.
- Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. 2006. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. М.: ИМЛИ РАН.

- Макаров М. Л. 2003. *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис.
- Невская И. А. 1993. *Формы деепричастного типа в шорском языке*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета.
- Плунгян В. А. 2005. К построению инвентаря дискурсивных функций глагола // *Четвертая типологическая школа*. Под ред. В. И. Подлесской, А. В. Архипова и Ю. А. Ландера. М.: РГГУ, 271—274.
- Урусбиев, И. Х. 1963. *Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке*. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во.
- Черемисина М. И. 1986. Общий подход к структурной типологии полипредикативных конструкций // *Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем*. Ред. Е. И. Убрятова, А. А. Литвин. Новосибирск: Наука, 9—32.
- Чеченов А. А., Ахматов И. Х. 1997. Карачаево-балкарский язык // *Языки мира: Тюркские языки*. Ред. Э. Р. Тенишев, Е. А. Поцелуевский, И. В. Кормушин, А. А. Кибрик. М.: Индрик, 272—286.
- Юлдашев А. А. 1977. *Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках*. Москва: Наука.
- Anderson G. 2005. *Russian-Turkic Language Contact in South Central Asia*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Bisang W. 2001. Finite vs. non-finite languages // Haspelmath et al (eds.), 1400—1412.
- Carlson L., Marcu D., Okurowski M. E. 2003. Building a Discourse-Tagged Corpus in the Framework of Rhetorical Structure Theory // J. van Kuppevelt, R. Smith (eds.). *Current Directions in Discourse and Dialogue*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Cumming S., Ono T. 1997. Discourse and grammar // Teun A. van Dijk. *Discourse as structure and process*. Vol. 1. London: SAGE Publications, 112—137.
- Evans N. 2007. Insubordination and its uses // Irina Nikolaeva (ed.) *Finiteness. Theoretical and Empirical Foundations*. Oxford: OUP. 366—431.
- Foley W., Van Valin R. D. 1984. *Functional syntax and Universal Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Givón T. 2001. *Syntax*. Vol. 2. Amsterdam: Benjamins.
- Haiman J., Thompson S. A. 1984. “Subordination” in universal grammar // *Proceedings of the 10th annual meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 510—523.
- Haspelmath M. 1995. The converb as a cross-linguistically valid category // Haspelmath and Koenig (eds.) 1995, 1—56.
- Haspelmath M., Koenig E. (eds.) 1995. *Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial verb forms (adverbial participles, gerunds)*. Berlin: Mouton de Gruyter.

- Haspelmath M., Koenig E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.) 2001. *Language typology and language universals. An international handbook*. Vol. 1, 2. Berlin: Walter de Gruyter.
- Hopper P. 1979. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.). *Discourse and syntax*. N. Y.: Academic Press, 213—242.
- Horie K. 2001. Complement clauses // Haspelmath et al. (eds.), 979—992.
- Johanson L. 1995. On Turkic converb clauses // Haspelmath and Koenig (eds.) 1995.
- Kibrik A. A., Podlesskaya V. I., Kal'kova T. M., Litvinenko A. O. 2002. Cognitive structure of narrative discourse: the analysis of children's night dream stories // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара Диалог'2002. Т. 1: Теоретические проблемы*. Под ред. А. С. Нариньяни. М.: Наука, 635—647.
- Kibrik A. A. 2006. Multi-factorial choices in speaking // *2-я международная конференция по когнитивной науке*. СПб: СПбГУ.
- Klein W. 2003. On Finiteness // V. Van Geenhoven (ed.). *Semantics meets acquisition*. Dordrecht: Kluwer.
- Labov W. 1972. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Lehmann Chr. 1988. Towards a typology of clause linkage // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam: Benjamins, 187—226.
- Longacre R. 1983. *The grammar of discourse*. New York: Plenum Press.
- Nikolaeva I. 2007. Constructional Economy and non-finite independent clauses // I. Nikolaeva (ed.) *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford: OUP. 138—180
- Raible W. 2001. Linking clauses // Haspelmath et al (eds.), 590—616.
- Sanders T. J. M., Spooren W. P. M., Noordman L. G. M. 1992. *Toward a taxonomy of coherence relations* // *Discourse processes* 15: 1—35.
- Sanders T. J. M., Noordman L. G. M. 2000. The role of coherence relations and their linguistic markers in text processing // *Discourse processes* 29: 37—60.
- Schank R. C., Abelson R. 1977. *Scripts, Plans, Goals, and Understanding*. Hillsdale, NJ: Erlbaum Assoc.
- Thompson S. A., Longacre R. 1985. Adverbial clauses // T. Shopen (ed.) *Language typology and syntactic description*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.